

УДК 94(571.17)“1941–1945”:64+365.4

ЖИЛИЩНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУЗБАССА (1941 – 1945 гг.)*Н. С. Головань***THE HOUSING AND LIVING CONDITIONS OF KUZBASS URBAN POPULATION (1941 – 1945)***N. S. Golovan*

В статье проведен сравнительный анализ жилищного фонда городов Кемеровской области, выявлен характер застройки городов, представлена характеристика бытовых условий и степени благоустройства жилья горожан. Раскрыты общие и отличительные черты быта городского населения, отмечены роль и усилия партийного руководства по решению жилищной проблемы как на начальном, так и на заключительном этапе Великой Отечественной войны. Уделено внимание вопросу условий проживания в общежитиях.

The paper deals with a comparative analysis of housing funds of cities and towns in Kemerovo region. The nature of cities / towns development is revealed; the information regarding the characteristic of living conditions and the level of housing improvements of townspeople is presented. The common and distinctive features of everyday life of the urban population are revealed. The paper notes the role and efforts of the party leadership concerning the housing problem solving at the initial stage as well as at the final stage of the Great Patriotic War. The attention is paid to the living conditions in the dormitories.

Ключевые слова: жилой фонд, городская застройка, быт, жилье, город, Великая Отечественная война.

Keywords: housing funds, cities / towns development, everyday life, housing, city / town, Great Patriotic War.

В условиях Великой Отечественной войны советское правительство было вынуждено задействовать промышленный потенциал Кузнецкого бассейна. Необходимость эффективного управления сложившимся многоотраслевым комплексом предопределила выделение Кузбасса в 1943 г. в самостоятельную административную единицу – Кемеровскую область. Безусловно, первоочередной задачей областного руководства стал контроль над выполнением производственных планов и заданий.

Экономический рост был достигнут во многом экстенсивными методами: численность промышленно-производственного персонала выросла с 132,3 тыс. чел. в 1940 г. до 248,2 тыс. чел. в 1945 г. [1, с. 150]. Главным источником пополнения трудовых ресурсов в первые месяцы войны стало эвакуированное население. Его численность в Кемеровской области к началу 1943 г. составила 207 тыс. чел., большая часть эвакуированных была размещена в таких городах, как Кемерово, Осинники, Прокопьевск, Сталинск [23, с. 234; 29, с. 54, 88 – 89]. Население Ленинск-Кузнецкого возросло в 1,2 раза, Анжеро-Судженска, Кемерово и Сталинска – в 1,3 раза, Белова и Прокопьевска – в 1,4 раза [24, с. 28; 29, с. 92].

Механический рост населения чрезвычайно обострил жилищную проблему в городах Кузнецкого бассейна. Ответственность за ее разрешение была возложена на горсоветы, при которых создавались специальные комиссии с широкими полномочиями. В частности, решением № 339 исполкома Кемеровского горсовета разрешалось уплотнять жильцов в своих домовладениях, квартирах там, где жилая площадь превышала 4 кв. м на одного человека [30, с. 22, 39]. Комиссии по расквартированию в г. Тайге предоставлялось право вселять и переселять в частные, а также государственные квартиры, взимать штраф или отправлять на исправительно-трудовые работы сроком до 30 дней в отношении тех, кто не исполнял решение исполкома [30, с. 25]. Благодаря усилиям комиссий в срочном порядке было проведено массовое уплотнение и подселение жильцов.

В условиях крайнего дефицита жилой площади были задействованы и переоборудованы под общежития казарменного типа помещения, не предназначенные для проживания: клубы, промышленные и подсобные помещения, хозяйственные строения [5, л. 36]. Широкое распространение получило сооружение мало затратного и быстро возводимого жилья в виде «засыпух» и землянок [21, с. 26 – 28]. Постройки подобного типа возводились как по линии промышленных предприятий, так и самостоятельно населением.

В первые годы войны, когда все ресурсы были сконцентрированы вокруг стратегически важных вопросов, социальные проблемы, в числе которых – улучшение жилищно-бытовых условий, оказались второстепенными. Однако уже на завершающем этапе войны внимание правительства было обращено не только на восстановление разрушенного жилого фонда западных районов страны, но и на решение жилищной проблемы в восточных регионах [22, с. 65 – 104].

Ключевым направлением улучшения жилищных условий стало возведение жилья. Жилищное строительство, осуществлявшееся в годы войны, не изменило структуру жилого фонда в городах Кузбасса. Жилой фонд по-прежнему подразделялся на государственный (обобщественный) и индивидуальный (личный). В 1945 г. наибольшим удельный вес обобщественного жилого фонда был в Анжеро-Судженске, Кемерове, Сталинске, Прокопьевске. В таких городах, как Гурьевск, Салаир, развитие которых началось в XIX столетии, доля индивидуального жилья преобладала над обобщественным и составляла 67 – 75 %.

Государственный жилищный фонд принадлежал ведомствам и местным советам. При этом большая часть находилась в ведении промышленных предприятий: в Ленинск-Кузнецком 71 % числился за угольным трестом «Ленинскуголь», в Сталинске 32 % – за Кузнецким металлургическим комбинатом (КМК), в Прокопьевске – за шахтами трестов «Сталинуголь», «Прокопьевскуголь» [2; 4, л. 115 – 116; 7, л. 44; 25, л. 8]. Жилой фонд, принадлежавший местным советам, был незначительным. На его долю в Сталинске прихо-

дилось до 4,5 %, в других городах этот показатель был еще меньше.

К концу войны города Кузбасса состояли из многочисленных, достаточно удаленных друг от друга районов, каждый из которых представлял собой хаотично застроенное поселение. Подобный характер застройки, основанный на принципе «предприятие-поселок», сложился в годы индустриализации, в годы войны он только усилился. Так, Киселевск состоял из 9 районов, Ленинск-Кузнецкий – из 14, Прокопьевск – из 16. В угледобывающих городах застройка по принципу «шахта – поселок» проявилась с исключительной выразительностью. К 1948 г. в Прокопьевске насчитывалось 13 шахтовых поселков, в Киселевске – 10, в Сталинске – 9, в Ленинск-Кузнецком – 8, в Кемерове – 7, в Осинниках – 4, в Анжеро-Судженске – 3 [2; 3; 4; 6, л. 3.]. Одновременно специфика добывающей промышленности заставляла концентрировать производственную базу достаточно далеко от местожительства. В связи с этим нередкими были случаи, когда рабочим приходилось ночевать в комбинатах шахт (как это было на шахтах «№ 5-7», «№ 9-15» в Анжеро-Судженске) [6, л. 107].

По типу застройки и степени благоустройства отдельные районы городов резко отличались друг от друга. Условно можно выделить три их типа. Первый тип – это старые районы, сохранившие вид, характерный для сельской местности. Они были застроены мелкими рублеными индивидуальными домами, как правило, с тесовыми крышами. К домам примыкали земельные участки, размеры которых в пределах одного и того же селитебного района колебались в пределах от 300 кв. м до 1000 кв. м. Иногда размеры городских усадеб достигали 0,5 га, что было связано с присоединением территорий близлежащих деревень и поселков. В годы войны произошло значительное расширение земельных площадей, занятых под огороды. В 1943 г. в Кемеровской области 54 % горожан занималось огородничеством [1, с. 217]. Подобного рода районы преобладали в северных городах Кемеровской области (в Мариинске, Тайге), а также размещались в Ленинск-Кузнецком на месте бывшего села Кольчугино, в Сталинске – в районе деревни Феськи, в Нижней Колонии, в Анжеро-Судженске – в поселке Федоровка и поселке при шахте «№ 5-7».

Другим повсеместно распространенным, а во многих городах – преобладающим типом застройки, были районы «шанхаев» и «нахаловок», появление которых относится к периоду индустриализации 1930-х гг. В годы войны их число значительно возросло. Жилой фонд в таких районах был наиболее малоценным и «изношенным», представлял собой скопление землянок, глинобитных и саманных домиков, при каждом из которых был разбит небольшой огород или пара грядок. Особенно велико количество подобных поселений было в Прокопьевске – это Парниковка, Голубевка, Марс, Водоканал, частично Старый Прокопьевск; в Кемерове такие районы располагались по берегам р. Искитимка, т. н. Щетинкин лог, в логах за шахтой «Центральная»; в Анжеро-Судженске – это поселки Федоровский, Тербиловка, Порываевка; в Сталинске – в Верхней и Нижней колониях, Куйбышеве, Абагуре.

Соцгорода, возведенные в 1930-е гг., были самыми благоустроенными районами в городах Кузбасса, они

представляли собой двух-, трехэтажную застройку каменных домов. Соцгорода располагались в центральном районе Сталинска, на Тыргане в Прокопьевске, в районе современного железнодорожного вокзала в Кемерове.

Трудности военного времени ухудшили состояние жилого фонда, о чем свидетельствуют материалы проверок 1945 г. Достаточно безрадостную картину выявила проверка состояния ЖКХ Кузнецкого металлургического комбината. В акте проверки отмечалось: «Все 56 временных рубленых дома и 330 барачков пришли в ветхое состояние и многие из них угрожают обрушением. Стены от вертикальной оси отклонялись на 20 см, в бараках – до 25 см. Щиты между стойками каркаса выпадали» [25, л. 10, 11]. Возведенное в 1930-е гг. временное жилье (каркасно-засыпные, фанерные, камышитовые бараки, дома «герардовского» типа (между сборными щитами такого дома засыпался шлак)) восстановлению не подлежало, т. к. его эксплуатация была рассчитана максимум на 15 лет. На долю подобного жилья в городах Кемеровской области в 1945 г. приходилось больше 40 % личного фонда и значительный процент жилья обобщественного фонда (например, в Сталинске таковой являлась половина обобщественного фонда) [8, л. 44, 170]. В Томске, для сравнения, в 1945 г. доля домов, построенных из прочего и смешанного материала, составляла 6 % обобщественного фонда и 9,4 % – личного [27, с. 156].

Дома капитальной застройки в жилом фонде предприятий были немногочисленными, но и они находились в полуразрушенном состоянии. Так, треть домов квартирного типа треста «Сталинуголь» в Прокопьевске требовала сноса или ремонта [4, л. 115]. Исключением являлся жилой фонд Томской железной дороги, состоявший на 88 % из каменных и деревянных домов. Однако и здесь, как свидетельствует перепись жилого фонда, к середине 1945 г. обострилась жилищная проблема: каждый третий железнодорожник «нуждался в жилье» [12, л. 1; 14, л. 3].

В отчетах предприятий области отмечалось, что доля населения, которая в 1945 г. проживала в общежитиях, была невероятно высока. В распоряжении самых крупных предприятий области – угольных комбинатов «Кузбассуголь» и «Кемеровоуголь» – находилось 317 и 83 общежития соответственно [6, л. 13, 22, 124]. Всего в них проживало 70 тыс. горняков, 30 тыс. из них размещались на двух-, трехъярусных нарах. В целом это составило 84 % от общей численности рабочих комбината «Кузбассуголь» и 62 % – комбината «Кемеровоуголь» [28, с. 189 – 200].

Работники металлургической промышленности также были вынуждены ютиться в общежитиях. По данным отчетной документации, в конце 1945 г. в общежитиях КМК проживало 20 % от общего числа рабочих – это 12400 человек, из них 7238 человек располагались на двухъярусных нарах. На одного человека в общежитиях приходилось 3,6 кв. м, а в общежитиях с двухъярусной системой – всего 1,8 кв. м. Четверть трудящихся 11 горнорудных предприятий КМК проживали в аналогичных условиях. Были беспрецедентные случаи, как, например, на Мойском руднике, где в бараке площадью 105 кв. м проживало 108 человек [25, л. 8].

Жилой фонд строительных организаций в большинстве своем также был представлен общежитиями. Крупнейший строительный трест в Кемеровской области «Сталинскпромстрой» размещал своих работников в 40 общежитиях [19], где 3 тыс. строителей проживало на двухъярусных нарах [5, л. 112]. Общежития составляли 60 % от всей жилой площади, находившейся на балансе треста «Кемеровопромжилстрой». В них проживало 80 % от общей численности рабочих [9, л. 34]. Трест «Кузбассшахтострой» в составе своего жилого фонда имел 6664 кв. м общежитий и 5409 кв. м в домах квартирного типа [11, л. 23]. На машиностроительных предприятиях Кемеровской области сложилась подобная ситуация: почти половина всех работников завода «Свет шахтера» в Анжеро-Судженске проживала в общежитиях [10, л. 129].

Нередкими были случаи, когда предприятия арендовали частные квартиры, используя их под общежития, но размеры таких общежитий были невелики, например, в комнате площадью 13 кв. м проживало 5 человек [6, л. 21].

Само понятие «общежитие» оправдывало свое смысловое значение. Проживание, быт, действительно, были общими, потому что иначе не могло быть, когда на незначительной жилой площади было сосредоточено огромное количество людей. Особенно затруднительно было наладить быт семейным парам [20, с. 126 – 137].

Бытовые условия в общежитиях заставляли население приспосабливаться к определенному образу жизни, когда приходилось мириться с антисанитарией, теснотой, с отсутствием света, воды, постельного белья. Недостаточное количество ватных матрацев в общежитиях заставляло жильцов делать их из соломы и сена. Солома сбивалась, рабочий был вынужден периодически подвязывать наволочку, в конце концов, получался один узел, который можно было положить разве что под голову. Очень часто жильцам приходилось спать на голых досках. Дефицит посуды заставлял рабочих готовить еду в консервных банках. Общежития не были оснащены достаточным количеством мебели. Одежда и вещи зачастую громоздились прямо на спальном месте [17]. В коридорах и комнатах царил полумрак. Известны случаи, когда в связи с отсутствием тепла рабочие вынуждены были спать в верхней одежде и обуви. Незначительное количество умывальников создавало очереди. Настоящим бичом того времени был педикулез.

Конечно, отсутствие элементарных удобств, перенаселенность – все это минусы быта общежитий. Однако плата за проживание в общежитии была номинальной. Она не соответствовала экономически обоснованному тарифу, более того, она даже не покрывала расходы на содержание общежитий. В какой-то мере это было проявлением госпатерналистского начала советской жилищной политики [16, с. 66 – 69]. Одновременно общежития играли роль общественно-политических центров: собрания, посвященные боевым сражениям на фронте, лекции, встречи и беседы обеспечивали информирование трудящихся, мобилизацию на выполнение первоочередных производственных планов [15, с. 177 – 180].

Безусловно, быт в общежитиях в годы войны – это пример крайнего дискомфорта, с которым население

городов было вынуждено мириться. Однако и те, кто проживал в квартирах, в том числе коммунальных, индивидуальных домах испытывали значительные бытовые трудности. На частной квартире съемщики, как правило, имели только угол, поскольку поселить их удавалось «путем убеждений домохозяев и административных мер» [6, л. 21]. Зачастую в одном помещении проживало несколько семей. Так, в 1945 г. в жилом фонде КМК в 21 комнате проживала 61 семья [25, л. 5].

В тесноте и скученности проживали жители всех городов. Средний размер жилой площади, приходившейся на одного человека в городах Кемеровской области, составлял от 2 до 4 кв. м. По сравнению с довоенным уровнем он сократился: в 1940 г. в Кемерове и Сталинске в среднем приходилось 5,1 кв. м и 5,4 кв. м соответственно [18, с. 107 – 112]. К концу войны в критическом положении находились жители Ленинск-Кузнецкого и Салаира: на одного человека здесь приходилось менее 2 кв. м. Необходимо при этом учитывать, что в квартирных домах этот показатель был выше, а в общежитиях, особенно с ярусной системой, гораздо ниже.

В условиях острой нужды жилплощади приходилось идти на непопулярные, но необходимые меры – снос ветхого жилья. В частности, 11 горнорудных предприятий Кузнецкого металлургического комбината по этой причине лишились в период 1943 – 1945 гг. 2272 кв. м. Более 11 тыс. кв. м жилого фонда Томской железной дороги было списано по ветхости в 1942 – 1944 гг. [13, л. 8; 25, л. 20]. К тому же жилой фонд области с окончанием войны стал сокращаться в связи с тем, что в жилых помещениях стали размещать детские сады, ясли, больницы [6, л. 10].

К концу войны и без того невысокий уровень благоустройства жилищного фонда городов Кемеровской области заметно снизился, что связано с увеличением доли временного жилья. В лучшем положении находились жители крупных городов – Сталинска и Кемерова. Но даже в этих городах обобщественный жилой фонд был оборудован водопроводом, канализацией, центральным отоплением лишь на треть.

Самой насущной к концу войны оставалась проблема обеспечения населения водой. В большинстве городов водопровод отсутствовал, поэтому горожане использовали колодезную, талую и дождевую воду. Проблема водоснабжения напрямую отразилась на работе банно-прачечного хозяйства. Заместитель председателя облисполкома С. В. Пушкаренко в своем докладе отмечал, что прачечные обслуживали только предприятия и организации, трудящиеся этой возможности были лишены. В среднем за месяц бани во многих городах простаивали 10 – 12 дней [26]. Главными причинами этого стали перебои в подаче воды и недостаток угля. Такая работа городских бань и отсутствие воды в жилых домах приводили к тому, что члены семей шахтеров посещали без того перегруженные шахтовые мойки.

В связи с отсутствием системы центрального отопления в городах области населению самостоятельно приходилось отапливать углем и дровами собственное жилье. При этом большинство горожан испытывало огромные трудности в доставке топлива. По этому поводу шахтеры говорили: «Уголь легче привезти на себе, чем получить на него талон». С одной сторо-

ны, это объяснялось отсутствием должного контроля со стороны партийного руководства. Отчасти это было связано с дефицитом транспорта, услуги которого оплачивались из расчета 1 руб. 37 коп. за тонно-километр [6, л. 30, 91].

В годы Великой Отечественной войны уклад повседневной жизни советских граждан был нарушен. Чрезвычайно обострился жилищный вопрос. Его решение в городах Кузнецкого бассейна на начальном этапе войны сводилось к размещению эвакуированного населения, созданию самых простых, элементарных бытовых условий, на заключительном этапе – к проведению инвентаризации жилищных фондов, разрыванию жилищного строительства. В период 1941 – 1945 гг. незначительное увеличение жилищного фонда городов Кемеровской области (за счет переоборудования нежилых помещений и возведения жилья времен-

ного типа) отразилось на его качественных показателях: снизился процент жилья, оснащенного центральной системой водопровода, отопления, канализации. Уплотнение жильцов привело к заметному сокращению размера жилой площади, приходившейся на одного человека. Значительная часть населения городов проживала в общежитиях, расселение в них осуществлялось по производственному принципу. Промышленные предприятия, которым принадлежала основная часть жилищного фонда городов, совместно с городскими советами сыграли главную роль в налаживании быта своего персонала. Ведомственная принадлежность жилых домов отразилась на характере застройки городов Кузбасса: то, что формально называлось «городом», по существу представляло собой множество возведенных вокруг производственных предприятий и при этом удаленных друг от друга поселений.

Литература

1. Акулов М. Р. Промышленное развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Ставрополь, 1967. 332 с.
2. Архив гл. архитектора г. Ленинск-Кузнецкого. Генеральный план г. Ленинск-Кузнецкого. М., 1947.
3. Архив гл. архитектора г. Киселевска. Генеральный план г. Киселевска. М., 1948.
4. Архив УКСа г. Прокопьевска. Проект планировки и застройки. Пояснительная записка. Прокопьевск; М., 1949.
5. ГАКО. Ф. П–75. Оп. 2. Д. 55.
6. ГАКО. Ф. П–75. Оп. 2. Д. 272.
7. ГАКО. Ф. Р–304. Оп. 8. Д. 3.
8. ГАКО. Ф. Р–304. Оп. 17. Д. 147.
9. ГАКО. Ф. Р–304. Оп. 17. Д. 112.
10. ГАКО Ф. Р–621. Оп. 1. Д. 6.
11. ГАКО Ф. Р–887. Оп. 1. Д. 5.
12. ГАНО. Ф. Р–1694. Оп. 9. Д. 29.
13. ГАНО. Ф. Р–1694. Оп. 9. Д. 33.
14. ГАНО. Ф. Р–1694. Оп. 9. Д. 40.
15. Горлов В. Н. Советские общежития рабочей молодежи // Отечественная история. 2004. № 5. С. 177 – 180.
16. Ермоленко Т. Патерналистские традиции российской политической культуры // Власть. 2001. № 1. С. 66 – 69.
17. За стеной у шахткома // Кузбасс. 1946. 30 марта.
18. Зяблицева С. В. Жилищные проблемы Кузбасса в годы Великой Отечественной войны // Вклад сибиряков в победу Великой Отечественной войны. Кемерово, 2005. С. 107 – 112.
19. Иванович Ф. Улучшить бытовые условия строителей // Большевицкая сталь. 1946. 6 июля.
20. Исаев В. И. Социальные проблемы формирования Урало-Кузнецкого комплекса // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 126 – 137.
21. Ксенц С. М. Жилище сибирского шахтера: драма с продолжением. Родители // Перспективы Сибири. 2004. Вып. 1. С. 26 – 28.
22. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М: Политиздат, 1971. Т. 6. 528 с.
23. Кузбасс. Прошлое, настоящее, будущее. Кемерово: Кн. изд-во, 1978. 365 с.
24. Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 171 с.
25. НФ ГАКО. Ф. Р–143. Оп. 3. Д. 609.
26. Пушкаренко С. В. Об улучшении жилищно-коммунального и культурно-бытового строительства в городах Кузбасса // Кузбасс. 1945. 28 марта.
27. Томск – 400 лет. Юбилейный статистический сборник. Томск, 2004. 268 с.
28. Угольная промышленность Кузбасса (1721 – 1996 гг.). Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1997. 301 с.
29. Шуранов Н. П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2000. 219 с.
30. Этот день мы приближали, как могли // Сборник документальных материалов / отв. ред. В. А. Сергиенко. Кемерово, 2005. 261 с.

Информация об авторе:

Головань Наталья Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сибирского государственного индустриального университета, gnsmgou@rambler.ru.

Natalia S. Golovan – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Social Sciences and the Humanities, Siberian State Industrial University.

Статья поступила в редколлегию 26.01.2015 г.